

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32(930.2)

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-183-190

Бобровских Е.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ТЕОРИЯ «ОФИЦИАЛЬНОЙ» И «НЕОФИЦИАЛЬНОЙ» НАРОДНОСТИ: С.С. УВАРОВ И СЛАВЯНОФИЛЫ

Аннотация. Консервативное направление русской социально-политической мысли никогда не представляло собой единого идейного лагеря. Автор сравнивает две концепции, появившиеся во второй трети XIX в.: «теорию официальной народности» и учение славянофилов. В статье раскрываются точки пересечения и различия этих двух теорий. Автор приходит к выводу, что значение идентичных ценностей (православие, самодержавие, народность) в данных теориях было совершенно различным.

Ключевые слова: теория официальной народности, славянофилы, православие, самодержавие, народность, консерватизм, история социально-политической мысли XIX в.

E. Bobrovskikh

Lomonosov Moscow State University

THE THEORY OF THE “OFFICIAL” AND “UNOFFICIAL” NATIONALITY: S. UVAROV AND SLAVOPHILES

Abstract. The conservative trend in the Russian social and political thought has never been a united ideological camp. The author compares the two concepts which appeared in the second third of the nineteenth century: "the theory of official nationality" and the teaching of the Slavophiles. The article describes the points where these two theories intersect and differ. The author comes to the conclusion that the meaning of identical values (Orthodoxy, autocracy, nationality) in these theories differed greatly.

Key words: the theory of the official nationality, the Slavophiles, Orthodoxy, autocracy, nationality, conservatism, the history of social and political thought of the XIX century.

Исторический контекст первой трети XIX в. обусловил необходимость развития консервативного идейного

течения. Войны начала XIX в. пробудили интерес ко всему национальному. Проблема оторванности дворянской элиты от своих корней, плохое знание

© Бобровских Е.В., 2015.

русского языка, западничество в правительственных кругах стали более ощутимыми. Кроме того, возрос интерес к роли народа в историческом процессе. Восстание декабристов 1825 г. также оказало значительное влияние на изменение тенденций во взаимоотношениях общества и власти. Польское восстание 1830-1831 гг. и революции во Франции 1830 г. явились дополнительными причинами для укрепления власти монарха и распространения консервативных идей. Указанные события способствовали тому, что российская власть сделала акцент в своей политике на укреплении существующего политического порядка. Идеологическая платформа для проведения государственных мер была подготовлена министром народного просвещения С.С. Уваровым.

Уваровская триада «Православие. Самодержавие. Народность» была сформулирована в 1832 г. Возможно, идея формулы появилась раньше. Еще в 1818 г. в речи, произнесенной на торжественном собрании Главного педагогического института, Уваров говорил о любви к отечеству, вере и государю, которую необходимо «воспламенить» в молодом поколении.

В 1875 г. историк литературы А.Н. Пыпин, придерживающийся либеральных взглядов, назвал триаду Уварова «теорией официальной народности», т.е. теорией искусственной, навязанной властью. Это определение получило широкую популярность. За «официальность» уваровскую формулу критиковали и славянофилы. Никто из славянофилов не отрицал исторической значимости ценностей, названных в триаде Уварова. Но также никто из них не удержался от крити-

ческих замечаний в адрес формулы. Пыпин писал: «Неясно одно весьма существенное обстоятельство. Это – их (славянофилов. – Прим. авт. – Е.Б.) отношение к официальной народности» [8, с. 335]. Учение славянофилов, действительно, напоминает триаду министра народного просвещения, однако в основе славянофильской концепции заложены иные методологические основания.

Славянофильское направление можно считать русским вариантом романтического национализма, а используемый ими термин «народность» – аналогом европейского понятия «народный дух». В Европе теоретики романтического национализма обратились к национальной самобытности, политической традиции и истории в поисках ответов на социально-политические вызовы. Идея «народного духа» была превращена ими в объединительный концепт и содействовала формированию национальных государств. «Народный дух» позволял сглаживать сословные противоречия для создания единого цельного государства-личности. Подобные же основания четко прослеживаются и в русском славянофильстве. «Золотым веком» они считали допетровские времена. Хотя славянофилы и не призывали возвращаться к укладу Древней Руси, они пытались сохранить и «полнее реализовать» истинные ценности «народности». Уваров не одобрял излишней идеализации исторического прошлого России, присутствующей в работах славянофилов: «описание Руси до Петровской в сравнении и в противоположности с Россией, преобразованной великим императором, и прославление принятого Государством с его царствования

направления, стали приниматься за опасное намерение изменить настоящее» [14, с. 74].

Ключевое противоречие между «теорией официальной народности» и славянофильской концепцией заключается в различных иерархических отношениях между компонентами триады. В формуле Уварова главное место было отведено самодержавию, а православие и народность стали служить лишь «этнографической окраской». В концепции славянофилов ключевая роль отведена православию, как некой духовной силе, определяющей народное сознание (народность). А самодержавие уже базируется на народности (народном духе). Попытаемся последовательно сравнить отношение славянофилов и Уварова ко всем трем частям формулы.

Православие. В марте 1832 г. в письме Николаю I Уваров определил следующие «консервативные начала»: Национальную религию (*Religion nationale*), Самодержавие (*Autocratie*) и Народность (*Nationalite*) [15, с. 97]. «*Religion nationale*» переводится с французского языка, как «национальная» или «народная религия». И лишь позже в текстах Уварова этот компонент становится «православием». Этому есть несколько объяснений. Всеобщее известное факт, что до 1917 г. переписи населения в Российской империи проводились по конфессиональному признаку. Религия играла более существенную роль, чем национальная принадлежность. Скорее всего, именно поэтому был сделан акцент именно на православии как народной религии. Кроме того, в «Докладе Императору Николаю I о славянстве» Уваров открыто говорил, что включение право-

славия в триаду позволило примирить гражданские учебные заведения и духовную власть [13, с. 367]. Таким образом, Уваров попытался соединить противостоящие друг другу еще с XVI в. дух европейского просвещения и глубокую религиозную веру¹. Уваров сам получил блестящее европейское образование и не мог отрицать его значения. Однако изменения в системе образования должны были проходить на нравственной и политической основе, установленной правительством. Это было необходимо, чтобы поставить «сдерживающие плотины» на пути европейских революционных идей. Кроме того, глубокая традиция православной духовно-политической мысли [5] не признавала иной формы правления, кроме самодержавия. Следующим фактором послужила необходимость борьбы со старообрядцами, ересями и различными мистическими кружками, столь популярными в начале XIX в. Власть тем самым в очередной раз утвердила единственную официально признаваемую религию.

В славянофильской концепции православие имело ключевое значение. Стоит отметить, что славянофилы определяли православие достаточно широко, как культурный феномен, занимающий срединное положение между церковью, государством и обществом. Всякая вера имеет свой источник в определенном духовном складе народа, выражающемся во врожденной народной психологии. Слившись с врожденными психологическими особенностями народа, вера становится главным критерием для различения «народных физиономий».

¹ Еще старец Филофей писал о греховности научного познания [12, с. 186-197].

Особенно характерно это для русского народа. Для русского человека, как отмечал И.С. Аксаков, наименование «православный» значительно важнее, чем «русский». По мнению И.В. Киреевского, «особая форма богосознания» определяет особенность той или иной народности. Соответственно, основу русской народности составляет православие. Ю.Ф. Самарин отмечал: «Говоря о русской народности, мы понимаем ее в неразрывной связи с православной верою, из которой истекает вся система нравственных убеждений, правящих семейною и общественною жизнью русского человека» [19, с. 429-430]. К.С. Аксаков считал православную веру главным столпом всей русской жизни: «Без Веры Православной [народ] не имеет значения: вся жизнь его основана на ней, с ней неразрывно соединена, на ней основана и его народность. Поэтому тот, кто не Православный, не принадлежит к Русскому народу, хотя бы он был и Русского происхождения» [2, с. 194].

Самодержавие. Самодержавие занимало центральную позицию в триаде Уварова. Как любая идеологическая система, «теория официальной народности» решала задачу укрепления власти. Можно сказать, что два других компонента были введены лишь для упрочения позиций престола, хотя попутно решали и многие другие, поставленные перед правительством задачи. Самодержавие как компонент триады не содержит обширных комментариев в текстах Уварова. Утверждается лишь его необходимость в качестве условия существования России, исторического бытия народа. В силу того, что самодержавие является определенным национально-русским типом власти, оно

обладает особой значимостью для русской государственности.

Центральное положение самодержавия в триаде объясняется, помимо прочего, тем, что православие и народность не могли быть обязательными для нерусского и не православного населения огромной империи. Монарх – уже не просто русский царь, он император и национальный лидер для всех народов и народностей империи. Однако на практике это означало решение проблем национальной консолидации с помощью административных мер.

Славянофилы предложили глубокое философское осмысление самодержавной формы правления. Самодержавие, с точки зрения славянофилов, базируется на народности или народном духе. По мнению И.С. Аксакова, народность способна создавать политические организмы, т.е. является основой государства и, более того, гарантом его единства как внутреннего, так и внешнего. Государство создается духом одного народа, но не исключает вхождения в его состав «иностранцев». Подобная точка зрения позволяет раскрыть политический смысл народности, который заключается в том, что любая «народная личность» имеет право на особое общественное устройство. Отношения между властью и народом могут выражаться в различных формах: конституциях, хартиях, силовом принуждении и т.д. Но в России существует своя, особая форма, заключающаяся в любви подданных к государю, в живом народном сознании. «Россия и правительство тесно сплелись, потому что растут на одном корню» [11, с. 162], – утверждал Ю.Ф. Самарин. Вера и народность являются основанием государственной власти в России. Соответственно пра-

вительство служит и русской церкви, и народу, не вмешиваясь в духовную и бытовую жизнь народа. Эти пределы полномочий власти, по Самарину, заложены в «народном духе» и потому не требуют поддержки юридических документов. Д.А. Хомяков отмечал, что русское самодержавие есть часть духовного организма общества, сила служебная, есть выражение народных духовных требований и отрицание западного абсолютизма. Западный народный тип, по Д.А. Хомякову, нуждается в наличии самодержавия в духовной сфере и не терпит его в политической; восточный тип, к которому относится и Россия, нуждается в гражданском самодержавии, но не допускает его вмешательства в духовную сферу. Таким образом, главным достоинством русского самодержавия является его органичность и взаимная потребность народа и власти друг в друге.

Народность. Четкой дефиниции понятия «народность» в рамках теории Уварова сформулировано не было. Сложность его определения признавал и сам Уваров. Остается также открытым вопрос о роли сотрудников министерства, переводивших тексты Уварова с французского на русский язык. В них Уваров употреблял понятие «nationalite», и в ряде его русских текстов также мы встречаем слово «национальность» в контекстах, похожих на те, в которых использовалось слово «народность».

Не вызывает сомнений, что значение народности в уваровской формуле многопланово. Кроме того, стоит учитывать факт влияния немецкой социально-политической мысли на формирование мировоззрения и идеологических представлений Уварова. Непосредственное влияние на него

оказал немецкий писатель, философ и лингвист Фридрих Шлегель¹. Идеи Шлегеля сложились, в свою очередь, под влиянием Гердера и Руссо, с одной стороны, а также идеологов французской революции – с другой. А знаменитый прусский государственный деятель и реформатор начала XIX в. Генрих Фридрих Карл Штейн даже давал «уроки патриотизма» С.С. Уварову², обеспокоенному будущим Германии.

¹ Со Шлегелем Уваров познакомился во время своего пребывания в Вене (1807-1809). С этого момента Уваров с особым интересом относился к деятельности немецкого мыслителя. «Курс лекций по новейшей истории» Шлегеля, который он лично отправил Уварову, произвел на него неизгладимое впечатление. Считается, что именно эта работа повлияла на поворот русского консерватизма в лице Уварова к вопросам национального самосознания. В основе теоретических построений Шлегеля лежала идея нации как единой личности, которая скрепляется кровным родством, общностью исторической судьбы, обычаями, языком. Идеал национального государства, по мнению Шлегеля, средневековая сословная монархия [4, с. 352-359].

² При содействии российского двора Штейн после наполеоновских войн занимался объединением всех сил Германии, которые могли бы содействовать пробуждению в немцах национального духа и антифранцузских антиреволюционных настроений. Цель своей деятельности он видел в построении великой, сильной, самостоятельной и независимой Германии. Из переписки Уварова и Штейна 1812-1814 гг. известно о тех пессимистических настроениях, которые вызывала у Уварова русская действительность. С момента своего пребывания в Вене (1807-1809) Уваров был заморожен немецким национализмом. Более того, он считал себя полномочным представителем данного течения. Свою деятельность в России Уваров называл «неблагодарной» и «безнадежной», а себя – «экзотическим растением». Он часто приходил к мысли, что должен был родиться «пруссом». В своих ответных письмах Штейн пытался «примирить его с его родиной», искренне считая, что Уваров сможет принести огромную пользу России своими познаниями и своими идеями [4, с. 352-359].

Уваров не дал четкого определения данному компоненту триады. Однако нельзя отрицать, что под влиянием идей немецкого национализма Уваров изобрел категорию, пользуясь которой можно было сглаживать сословные противоречия и объединять этнически неоднородное население Российской Империи. Кроме того, народность предполагала верность и покорность самодержавной форме правления, то есть служила еще одним способом легитимации власти императора. Таким образом, народность позволяла защитить династию от распространения революционных настроений за счет объединения в этом концепте народа и монарха. Важно, что Уваров пытался отделить понятия русской народности и славянской. Уваров ни в коей мере не придерживался панславистских представлений. Более того, он считал, что панславистские идеи могут привести к пагубным последствиям [6, с. 37-40]. По воле истории, славянство разделилось на самостоятельные народности, которые, если и имели общее происхождение, давно утратили эту связь¹.

¹ «Итак, независимо от общего славянства, в действительности не существующего, а изменившегося в нескольких славянских племенах, мы должны следовать за своими судьбами, свыше нам указанными, и в своем родном начале, в своей личности народной, в своей вере, преданности к престолу, в языке, словесности, в истории, в своих законах, нравах и обычаях, мы обязаны утвердить живительное начало русского ума, русских доблестей, русского чувства. Вот искомое начало народное, и не славяно-русское, а чисто-русское, непоколебимое в своем основании, собственно наша народность. <...> Все, что имеем мы на Руси, принадлежит нам одним, без участия других славянских народов, ныне простирающих к нам руки и молящих о покровительстве, не столько по внушению братской любви, как по расчетам мелкого и не всегда бескорыстного эгоизма» [16, с. 372].

Для теории славянофилов, как уже отмечалось, понятие «народность» является одним из ключевых. Наибольшую разработанность и теоретическое обоснование народность приобрела именно в славянофильской концепции. Благодаря представителям славянофильского направления, «народность» стала «обрастать» своими особыми синонимичными понятиями: «народный дух», «народная личность», «народная физиономия», «народная стихия».

С точки зрения славянофилов, обращение к народности – главное условие величия России. И.С. Аксаков писал: «От взаимного отношения народной Руси и официальной России зависит мера истинной, а не мнимой силы русского государства. Когда мы были сильны в смысле западном, – мы были слабы в нашем народном, русском смысле, и эта слабость не замедлила обнаружиться в Восточную войну. Мы возвращаемся теперь к источнику силы и являемся слабыми в глазах европейцев! Это понятно. Нам остается им показать, какова наша настоящая, не мишурная сила» [1, с. 501].

«Народность», в понимании славянофилов, составляют не только характерные особенности народа, сложившиеся под влиянием исторической судьбы и географических и климатических условий, но и черты, проявляющиеся в вере, народном самосознании и государственном строе. Другими словами, народность, как утверждал Д.А. Хомяков, есть «индивидуальность народа, полнота его прирожденных способностей и всего его душевного (духовного) склада» [17, с. 285]. Кроме того, по верному замечанию Ю.Ф. Самарина, славянофильская народность

включает в себя и «те начала, которые народ признает, в которые он верует, к осуществлению которых он стремится, которыми он поверяет себя, по которым судит о себе и о других» [10, с. 466].

Народность, по мнению славянофилов, есть тайный фактор жизни человечества. «Без нее народы не были бы народами, и человечество не состояло бы из тех друг друга восполняющих индивидуальностей, которые лишь в своей совокупности дают возможность всестороннего проявления полноты даров, человечеству данных» [17, с. 289]. Из этой мысли вытекало специфическое отношение славянофилов к идее славянского единства, отличное как от позиции Уварова, так и от позиции идеологов доктрины «официальной народности» М.П. Погодина и С.П. Шевырева [7, с. 206-207].

Таким образом, «теория официальной народности» сконцентрировала в себе важнейшие консервативные ценности политической культуры России. Данная формула стала в русской социально-политической мысли «девизом» консервативного направления. Однако перечисленные ценности не смогли уберечь российских консерваторов XIX в. от раскола внутри одного направления социально-политической мысли.

Официальная идеология была направлена на сохранение самодержавия как самоценности. Славянофилы же видели в нем лишь служебную силу. Народность для апологетов триады – это попытка сохранить существующую политическую систему от пагубного зарубежного влияния и признать политику государства «народной». Для славянофилов народность – это харак-

терные черты народа, сформированные историческим процессом, то есть прошлым данного народа. Православие в «теории официальной народности» – критерий национального самоопределения и верноподданности монарху, охранительная сила. В концепции же славянофилов православие – фундамент всей духовной жизни русского народа и его ключевая ценность.

«Теория официальной народности» не несла ни негативных, ни чужеродных ценностей. Критическое отношение к ней появилось из-за политики, которая проводилась под ее лозунгом. «Теорией официальной народности» пользовались и все последующие монархи вплоть до Николая II, делая акценты на разных ее компонентах и методах пропаганды.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аксаков И.С. В чем сила России? // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды; [сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, А. В. Мырикова, Е. Б. Фурсова]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 498–504.
2. Аксаков К.С. Западная Европа и народность // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды; [сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, А. В. Мырикова, Е. Б. Фурсова]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 189–196.
3. Горохов А.А. Культурно-политический контекст начала XIX в. и его влияние на формирование консервативных ценностей политической культуры России. // Власть. 2011. № 8. С. 88–90.
4. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 416 с.

5. Перевезенцев С.В. Русская религиозно-философская мысль X-XVII веков. Основные идеи и тенденции развития. М.: Прометей, 1999. 431 с.
6. Прокудин Б.А. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века / Под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2007. 132 с.
7. Прокудин Б.А. Славянофильство и формирование русского панславизма // SCHOLA-2006: Сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. Е.Н. Моцелкова / Сост. А.В. Воробьев. М.: Социально-политическая мысль, 2006. С. 203–208.
8. Пышин А.Н. Исторические очерки. Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. СПб.: типография М. Стасюлевича, 1873. 520 с.
9. Самарин Ю.Ф. Два слова о народности в науке // Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 427–439.
10. Самарин Ю.Ф. Замечания на «Заметки «Русского вестника» по вопросу о народности в науке // Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 464–467.
11. Самарин Ю.Ф. На чем основана и чем определяется верховная власть в России // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: Хрестоматия / Сост: И.Ю. Демин, А.А. Ширинянец; подг. текстов: А.В. Мырикова, А.М. Репьева; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 146–162.
12. Старец Филофей (Из посланий Филонеева цикла) // Русская социально-политическая мысль. XI–XVII вв. Хрестоматия / Сост. С.В. Перевезенцев, подг. текстов: С.В. Перевезенцев, Г.В. Талина, Д.В. Ермашов, А.С. Ермолина, В.С. Зубова; под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 186–197.
13. Уваров С.С. Доклад Императору Николаю I о славянстве // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия / Сост.: А.А. Ширинянец, И.Ю. Демин; подг. текстов: А.М. Репьева, М.К. Ковтуненко, А.И. Волошин; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 363–369.
14. Уваров С.С. О цензуре // Река времен. Книга истории и культуры. Кн 1. М., 1995. С. 72–77.
15. Уваров С.С. Письмо Николаю I // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 96–100.
16. Уваров С.С. Циркулярное предложение попечителю Московского учебного округа // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия / Сост.: А.А. Ширинянец, И.Ю. Демин; подг. текстов: А.М. Репьева, М.К. Ковтуненко, А.И. Волошин; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 369–374.
17. Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. // Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 29–296.
18. Ширинянец А.А. Русская социально-политическая мысль середины XIX в. (библиографический очерк) // Вестник Российской нации. 2013. Т. 27. № 1–2. С. 74–95.